

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Редакторъ-издатель Р. С. ЛЯХНИЦКІЙ.

№ 20 (1443).

Ровель. Воскресенье, 25 январа 1925 г.

VI годъ изданія.

Театръ.

„Чайка“.

Въ творчествѣ А. П. Чехова главный герой всегда — ж и з н ь, не отдѣльные лица.

Такъ — въ его повѣстяхъ и разсказахъ, такъ — и въ пьесахъ, хотя бы названіе вещи выдѣляло одно или нѣсколько лицъ: „Ивановъ“, „Три сестры“, „Дядя Ваня“.

Героиня чеховской „Чайки“ — не Зарѣчная, зовущая себя этимъ именемъ, а именно жизнь въ сложности людскихъ взаимоотношеній, чувствъ, творческихъ и бытовыхъ соперничествъ.

Это было чутко понято режиссеромъ В. И. Лихачевымъ. Даже себя, какъ актера, онъ дирижерски-мудро подчинилъ цѣлому — жизни. И спектакль оставилъ неожиданно большое впечатлѣніе ровностью тона, отличной сыгранностью и полнымъ отсутствіемъ шероховатостей постановки.

Было достигнуто „чеховское настроеніе“, особенно назрѣвшее въ двухъ послѣднихъ актахъ. Незримая режиссерская работа — лучшее въ этомъ спектаклѣ, проведенномъ въ тонѣ хорошей литературы.

Н. Г. Коваленская — искренняя, яркая въ душевномъ волненіи, загорающаяся и обожженная жизнью Зарѣчная. Въ ней — напряженность чувства, застѣнчиваго и порывистаго. Улыбки смяты, слезы проглочены, и многія изъ готовыхъ крылатыхъ словъ падаютъ подстрѣленными, какъ чайка.

Превосходная фигура капризной, молодящейся, самовлюбленной актрисы Аркадиной дана С. И. Эрди. Артистка обнаружилла большой вкусъ въ выборѣ костюмовъ: они не только эффектны, но и чутки къ такимъ ступенькамъ „историчности“, какъ 10-15 лѣтъ. Снисходительно-ласкова съ сыномъ, заискивающе-льстива съ Тригоринымъ, свысока-мила съ остальными. Всегда вѣрные интонаціи и мимика.

В. И. Лихачевъ — отличный Треплевъ. Молодое самолюбіе уязвлено, чувство сына скорбляется на каждомъ шагѣ, а любовь отнята. Актеръ горитъ, и большой его побѣдой надъ ролью было то, что онъ не поддавался искушенію всю пьесу заполнить языками своего внутреннего пламени. Сдержанный, самоуглубленный, безъ излишней подчеркнутости. Это — жизнь.

И. Д. Калугинъ показалъ, что актерское мастерство можетъ создавать впечатлѣніе хорошей, жизненной передачи роли даже тогда, когда съ ея истолкованіемъ далеко нельзя согласиться. Такъ понятый Тригоринъ долженъ быть такимъ, какъ калугинскій: безвольный и искренній, когда толкуетъ о своемъ бремені писательства.

А думается, что у чеховскаго Тригорина эти вздыхающіе разговоры, эти иривія надъ своей записной книжкой — только кокетство, только игра съ навязнымъ поклоненіемъ Зарѣчной. Избалованъ Тригоринъ, а не утомленъ извѣстностью.

Интересенъ докторъ у Г. Г. Разматова. Эту роль второго плана пьесы актеръ велъ въ полтова и этимъ взялъ художественное равеніе на ансамбль, въ которомъ онъ и не долженъ первенствовать. Правильно, если все-таки актеромъ дано такъ много, какъ Разматовымъ.

А. Н. Кусковский — хороший образъ родного ему амплуа, А. К. Унгернъ, А. М. Скаржинская и Е. Э. Гаррай — хорошія фигуры амплуа, имъ не совсѣмъ родственныхъ. Съ особенной похвалой можно отозваться объ учителѣ А. К. Унгернѣ.

Статистовъ не было. Режиссеръ прекрасно подобралъ всѣ фигуры слугъ, этотъ важный штрихъ постановки въ чеховскомъ репертуарѣ.

Яр. Воиновъ.